

МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКИЙ КОНТРАБАНДИСТ

Агнос, мы заканчиваем этот философский отдел тем, что ещё раз пересмотрим материализм. В двух предыдущих главах я утверждал, что материализм слабо объясняет зависимость и замысел во Вселенной, как и природу человека. В этой главе я хочу суммировать свои утверждения, подчёркивая слабость и аксиологическую бедность материализма.

На протяжении почти всего этого столетия многие мыслители называют западную культуру цивилизацией «отрезанного цветка» по причине её оторванности от исторических корней христианского теизма. Можно также назвать её «контрабандистской цивилизацией», так как она продолжает питаться ценностями, заимствованными от не свойственного ей мировоззрения. Я настаиваю, что материализм контрабандным путём вносит в картину не свои ценности, так как без них ему не существовать. Я утверждаю, что гуманизм лишён адекватной метафизической структуры, в которой можно было бы найти и принять Истину, Добро и Красоту.

А. КОНТРАБАНДА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Контрабандное введение ценностей заметно, прежде всего, в области эпистемологии, науке о знании. Материалистическое представление разуму постольку неадекватно, что удивительно, как учёный по любой специальности может искать истину с помощью такого простого инструмента, как разум человека. Материалист контрабандным путём принимает в свод своих убеждений высокое уважение к функционированию разума, — а, ведь, такое уважение ближе всего соответствует синтетично-метафизическому подходу Платона и Августина Блаженного, чем аналитично-эмпирическому подходу Юма и Расселла. Материалист начинает с соображения, а кончает тем, что оспаривает всякое соображение. Ему нужно пользоваться разумом для того, чтобы доказать своё философское понятие, а по его философскому понятию всякое соображение является всего лишь физической деятельностью материального мозга. Если соображение ни что иное, как электрохимическая деятельность материального мозга, то на каком основании материалист может просить любого из нас принять его соображения и считать их «достоверными»?

Мы обычно выдвигаем идеи и философские понятия потому, что считаем их достоверными. Однако, когда материалист говорит: «Материализм достоверен», то это может иметь только то значение, что некоторые (физические) действия происходят в мозгу. Он «измышляет материализм», а это фун-

кция, имеющая такую же важность, что и другие функции тела, такие как пищеварение и дыхание. Нет смысла спрашивать: достоверна ли данная функция тела или нет? Давление крови и температура тела не считаются «достоверными». Утверждения, заявления и предположения об этих вещах считаются достоверными; они всего лишь описывают телесные функции, а их приходится интерпретировать разумом. Ясно, что они сами себя не интерпретируют. Поэтому, если соображение — всего лишь чисто физическая функция тела, как и температура тела, то бессмысленно утверждать, что «моя идея достоверна». Вы можете только сказать, что Ваша идея существует или «происходит».

Тем не менее, материалист, казалось бы, не трудится по принципам скромности и скептицизма, подразумеваемым этим анализом. Он утверждает, что говорит истину о всей Вселенной, начиная с самого простого электрона и доходя до самого далёкого квазара. Он, казалось бы, предполагает, что действие его мозга свободно от редуционизма, который он вообще применяет ко всякому соображению. По его взгляду, его редуционизм достоверен, хотя соображение других людей — это всего лишь секрция тела. Так не может быть: пользоваться разумом и одновременно редуцировать его (к чисто физической функции) невозможно. Если сведение физических категорий относится ко всему, то оно также относится к разуму или мозгу, который всё редуцирует. То, что редуцирует всё, также редуцирует себя.

Чарлз Дарвин, который много сделал, чтобы способствовать низкой материалистической оценке разума, ощущал силу этого возражения, особенно там, где она касается теории эволюции. Можно спросить: если разум, как и всё остальное в природе, проходит процесс эволюции, то на каком основании мы можем быть уверены, что теперешняя структура и функционирование всего существующего гарантирует нам истину? Например, развился ли эволюционными путями закон противоречия, необходимый истине, подобно тому, как и остальные части тела? На каком же основании можем мы быть уверены, что нет никакого другого закона, старающегося зародиться, — закона, который мог бы помочь нам ещё ближе подойти к истине? Потверждал бы или отрицал бы этот закон эволюцию и материализм? Дарвин признался в этом опасении:

«У меня постоянно возникает ужасное опасение о том, состоятельны и достоверны ли убеждения человеческого разума, вышедшего из разума низших животных? Доверял ли бы кто-нибудь убеждениям разума обезьяны, даже если и были бы убеждения в её разуме?»¹

Материализму также приходится контрабандным путём втягивать в картину фальшивую объективность и умственную трансцендентность, которых «чистая природа» лишена. Например, когда учёный что-то исследует, то он показывает, что он идёт за пределы природы и материи. Если бы он был скоплением бездумных рефлексов, как утверждает Скиннер, то ему было бы очень трудно исследовать, скажем, поведение собаки. В таком случае собака является скоплением неразумных рефлексов; значит, учёный и собака выделяют бесполезный продукт, который мы называем «соображение». Во всяком случае не было бы никакого исследования, только чисто физическая мозговая деятельность. Если утверждать, что человек может исследовать собаку, то в материалистическом представлении это означало бы, что «его поведение исследует поведение собаки».

1. Frances Darwin, ed., *Life and Letters of Charles Darwin* (New York: Johnson Reprint [reprint]), I, стр. 285.

Но поведение ничего не может исследовать. Поведение не может ни наблюдать, ни оценивать, ни критиковать, ни интерпретировать, ни синтезировать. Только сознающий себя разум, обладающий способностями наблюдения, избрания, памяти, оценки, сравнения, интерпретации и синтеза, может исследовать поведение животного. Разум должен стоять над процессом, если утверждать, что разум даёт значение ему. Один процесс, который сам себя не осознаёт, не может оценить другого процесса, который сам себя не осознаёт.

Если разум человека не является чем-то замечательным, то меня интересует одно: почему опубликовывают секреты человеческого разума, но не секреты обезьяньего разума? И почему секреты нашего столетия ставят выше секретов минувших столетий? Материализм не всегда преобладал среди мировых мыслителей; люди придерживались идеализма, религии, пантеизма, деизма и материализма. Почему секреты нашего столетия достоверны, а секреты прошлых столетий ошибочны? Разве следующее столетие даст нам новые секреты? Будут ли они достоверны или ошибочны?

Материалист увеличивает выше обсуждённую проблему; когда принимает детерминизм, а, ведь, по логике так он должен и делать. Если все вещи, — в том числе наши соображения, — определяются механическими процессами, то объективная научная работа невозможна, потому что учёный выбирает данные *автоматически* и их оценивает. Эйнштейн функционировал только как автомат, когда составлял теорию относительности, а также и Ньютон, когда он оформлял закон тяготения. Дарвин находился под влиянием грубой силы, когда составлял теорию эволюции. Учёного нельзя поздравить за замечательные соображения, так как он выделял неизбежное; его работа, так сказать, вытекала из его мозга. По всему нам известному, эти сложные системы соображения вероятно были вызваны такими вещами, как красными боками или дуоденальной язвой. В самом деле, какая всё это необдуманная доверчивость!

Свобода, объективность, трансцендентность — ни одного из этих элементов, необходимых состоятельной эпистемологии, в материализме нет. Кто-то ввёл их в материалистическую систему контрабандным путём.

Б. КОНТРАБАНДА В АКСИОЛОГИИ

Введение заимствованных ценностей в материализм контрабандным путём тем более видно в аксиологии, т. е. в области ценностей, — не только в отношении эстетики, но также и этики. Вы помните, Агнос, что материалист не может дать определение Бога на основании природы, пока не доходит до утверждения, что природа безлична и неаксиологична (глава 5-ая). Это утверждение рано или поздно вернётся и беспокоит его, ибо если природа не имеет ни ценностей, ни личных свойств, то трудно понять, на каком основании могут даже быть подлинными ценности.

Материалисты утверждают, что они пользуются только научным методом; всякую другую истину они отрицают. Но как только дело касается этики, то из того, что *существует*, никак нельзя установить правила *правильного* поведения. Материализму приходится постулировать эмпирическую теорию ценностей, однако вся беда этой теории в том, что ценности не приходят к нам через чувства. Ложь, войны, убийства и изнасилования — всё это постольку естественно, поскольку естественны растения и животные. Ничто не приходит к нам через наши чувства со светло-красной биркой, на которой написано: «ценная вещь». Наука не может установить ценности; она эмпирическим путём не может подтвердить этическую ответственность. Хотя это

трагично, что наука, которая много может сделать, не может определить то, что она *должна* делать.

Например, можно доказать, что, если людям жить и жить счастливо и с удовольствием, то им нужно любить других, а также быть любимыми другими. В тысячах экспериментов не докажешь, что достоверно предположение: «я должен любить других людей». Доказать полезность любви для счастливой жизни — в этом нет ничего удивительного; наручные часы нуждаются в масле; машина нуждается в бензине; трава, растущая возле дома, нуждается в минеральном удобрении; ближний нуждается в любви. Все эти заявления можно описать, они передают нам данные, но куда нам смотреть, чтобы найти императив: «ты *должен* смазать часы, заправлять машину, удобрять траву и любить ближнего»? В природе такого императива нет — кроме того только, что кто-то контрабандным путём вносит его в свод личных убеждений.

Агнос, я не говорю, что материалисты не живут хорошей моральной жизнью. Во многих случаях они такой жизнью живут, часто благочестивее некоторых христиан. Я всего лишь утверждаю, что этика для них не имеет никакого метафизического основания. Их правила правильного поведения никакой силы не содержат. Они могли бы даже сказать: «я должен так или так поступать, потому что это абсурдно». У многих гуманистов есть этическая система с высоким электрическим напряжением, но без электрического источника. Если нет личности, подтверждающей моральные принципы, то этический субъективизм выходит недействительным, и тогда никто не имеет права осуждать другого за худое поведение. Тем не менее, материалисты продолжают осуждать тех, кто плохо ведёт себя, а также они продолжают выражать свои личные убеждения и пользуются разумом.

Позвольте мне показать аксиологическую нищету материализма, ссылаясь на трёх мыслителей: Юма, Расселла и Дьюи.

Дэвид Юм был одним из самых замечательных скептиков. Он выдёргивал основы почти из-под всего, в том числе и своей философской системы. Однако в одном месте он говорит: «Будь философом, но в твоей философии оставайся человеком». При своём великом «иконоборчестве» этот весёлый шотландец предупреждает: «Не будь слишком скептическим». Это звучит прилично и мелодично, но если общая философия Юма достоверна, то я ни в коем случае не мог бы поступать по его совету. Что это такое — человек? Номиналист, как Юм, говорит, что для любой категории вещей никакой «сущности» нет. Для последовательного номиналиста термин «человек» лишён всякого подлинного значения, поэтому я не мог бы быть человеком, если даже и хотел бы. Будем помнить: последовательный эмпиризм уничтожает всякие нормативные предположения. Юму приходилось контрабандным путём ввести в свою систему убеждений нормативное предположение, чтобы убедить нас в необходимости быть людьми.

На протяжении почти всей своей трудовой жизни Бертран Расселл был логическим позитивистом, поэтому он считал, что этические суждения никакого значения не имеют; они всего лишь — выражения личных чувств (это называется «эмотивизмом»). Заявление: «геноцид — зло» по значению не важнее заявления: «мне нравится вишнёвый пирог». А когда Расселлу пришлось написать автобиографию, то он изложил те ценности, которыми сам жил:

«Я жил в поисках видения, — как личного, так и общественного. В отношении личного — чтобы заботиться о приличном, прекрасном и нежном; — чтобы позволять моментам постиже-

ния ввести мудрость в более обыкновенные моменты. В отношении общественного видения — чтобы воображением видеть общество, которое нужно будет создать и в котором люди будут развиваться свободно и в котором умрут ненависть, алчность и зависть, потому что не будет ничего, питающего их. Во всё это я верю, и, несмотря на все ужасы мира, он оставил меня непоколебленным».²

Это звучит прекрасно, но если последовательно применять эмпиризм и позитивизм Расселла, то отсутствует всякий императив, подтверждающий эти симпатии. Для эмпиризма нет никакого «видения». Такие слова, как «приличное», «прекрасное» и «нежное» никакого значения не имеют, а также и слова «зависть», «ненависть» и «алчность». Если достоверен детерминизм, то не может быть никакого общества, которое нужно будет создать; ведь, общество будет всего лишь тем, чем материальные составные части позволяют ему быть. К тому же, в мире «ужасов» нет, происходят только физические события. Последовательный материалист или эмпирик должен избегать всякого такого антропоморфического соображения о Вселенной.

Джон Дьюи много писал о том, что наука может дать человеку приятную жизнь, но он нигде не указывал на то, как определить эту «приятную жизнь». Согласно его прагматизму и инструментализму, нет никакой ценности в любой вещи. Действительная ценность отличается от недействительной только по их последствиям. Однако в одном произведении Дьюи утверждает, что есть неправильные идеалы, согласно которым подразумевается, что есть и правильные идеалы. Например, он говорит, что без эстетического наслаждения (т. е. искусства) человечество стало бы родом экономических уродов.³ А зачем не избрать экономического уродства? Дьюи никакого ответа на этот вопрос не дал. В большинстве случаев он видно предполагал, что старые ценности очевидны всем и не нуждаются в особенном доказательстве.

Аксиологическая бедность материализма становится очевидной на протяжении долгого времени даже не самому сообразительному мыслителю. Старые ценности, взятые из теизма, подобны плодам, сорванным с живого фруктового дерева. Если ты только что с него сорвал плод, то жизнь дерева остаётся в нём на очень короткое время. Сорванный фрукт некоторое время можно сохранить в свежем виде на льду обычая, дисциплины и морального учения, но приходит время, когда он теряет свой приятный вкус. Сорванный цветок также в своё время увядает в руке.

Временами появляются некоторые мыслители, которые сознают лицемерие контрабандного введения чужих ценностей и стараются разоблачить это дело. Трое из таковых — Джек Лондон, Фридрих Ницше и Альбер Камю. Лондон вложил в уста Вольфа Ларсена горькую правду о чисто материалистической этике:

«Один человек не может обидеть другого. Он только может обидеть самого себя. По-моему, я неправильно поступаю каждый раз, когда считаюсь с интересами других. Разве этого не понимаешь? Как же два зёрнышка дрожжей могут друг другу

2. *Autobiography of Bertrand Russell* (New York: Simon and Schuster, 1969), Vol. III, стр. 330. Это верно, что он, в конечном счёте, разочаровался в этических следствиях логического позитивизма, но это ничуть не меняет моего утверждения, потому что даже тогда, когда он защищал эмотивизм, то поддерживал идею высокой морали.

3. John Dewey, *Reconstruction in Philosophy* (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1920), стр. 127.

повредить, если стараются съесть друг друга? Их врождённое наследие заключается в том, что одно зёрнышко старается съесть другое и не стать жертвой для другого. Когда они отступают от этого правила, то грешат».⁴

Фридрих Ницше считал своей обязанностью порвать пуповину, которую столетия создали между теизмом и моралью. Он язвительно презирал всех, кто считал, что опровержение христианского теизма не изменило этического принципа альтруизма. Англичане, как он утверждал, отвергли Бога, а потом каялись так, что стали фанатиками морали:

«Раз ты отверг христианскую веру, то также и вырвал из-под ног своих христианскую мораль. Эта мораль ни в коем случае не подразумевается; несмотря на тех англичан-глупцов, нужно снова и снова подчёркивать этот пункт. Христианство — это система, целое представление обдуманых явлений. Если отрицаешь в ней одно главное понятие: веру в Бога, то также отрицаешь всё целое... Оно стоит или падает, как стоит или падает вера в Бога».⁵

На протяжении почти всей трудовой жизни Альбера Камю беспокоила одна и та же проблема:

«Сосуществование философских понятий отрицания и позитивной морали показывает большую проблему, которая больно беспокоит целую эпоху. Словом, это проблема цивилизации: ведь, нам нужно знать, может ли человек сам, без помощи Вечного или логического соображения, создать для себя ценности?».⁶

Проблема цивилизации! Совсем верно: может ли человек без внешней помощи создать для себя ценности? Я утверждаю, что он не может, и предсказываю, что цивилизованное человечество долго не выживет, если большинство людей честно и последовательно постарается жить по «материалистической морали». Если мои моральные переживания являются откликом трансцендентного существа Богу-Творцу, создавшему меня по Своему свободному моральному образу, то я могу жить последовательно по этическому принципу альтруизма. А если человек всего лишь «мешок морской воды», или «случайное явление в заводи», или «заболевание склеенной пыли», как умники не раз определяют его, то я, в самом деле, не понимаю ни аксиологии, ни человека.

Словом, Агнос, материализм не объясняет, а расстраивает меня в желании понять *знание, мораль и этику*. Не объяснив этих важных областей моего опыта, материализм, как я считаю, уступает теизму.

4. Jack London, *The Sea Wolf* (New York: Macmillan, 1931), стр. 79.

5. Friedrich Nietzsche, *Die Götzendämmerung* § 5.

6. Цитировано в книге: Henry Grosshans, *The Search for Modern Europe* (New York: Houghton Mifflin, 1970), стр. 421.